

И.В. Амбарцумов

АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассмотрен правовой и канонический статус армяно-католической общины в Российской империи, показана специфика взаимоотношений армяно-католической паствы и священнослужителей с российской государственной властью и римско-католическими иерархами. Автор подробно останавливается на тех изменениях, которые произошли в положении российских армяно-католиков после учреждения апостольской администрации в соответствии с соглашением между Российским престолом и Римской курией от 14 апреля 1903 г.

Ключевые слова: Армения, армяно-католики, римские католики, Римская курия, венецианские мхитаристы, венские мхитаристы, апостольский администратор, соглашение 14 апреля 1903 г., латинизация, приходское самоуправление.

В отечественной историографии и религиоведении отсутствуют специальные работы, посвященные армяно-католицизму. Объясняется это тем, что численность армяно-католиков в Российской империи была очень невелика и влияние данной конфессиональной группы на общественную и политическую жизнь страны было весьма незначительно. Некоторые общие сведения по истории католицизма у армян можно найти в труде архиепископа М. Орманьяна «Армянская Церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее»¹, а также в капитальном труде современного итальянского историка Дж. Гуайта «1700 лет веры и верности. История Армении и ее Церкви»².

При написании данной статьи были использованы архивные материалы, а именно — дела Департамента духовных дел иностранных исповеданий, хранящиеся в фонде 821 Российского государственного исторического архива. В этих делах содержится служебная переписка чиновников Министерства внутренних дел и духовных лиц по армяно-католическому вопросу, переводы статей из армянской прессы, протоколы приходских собраний армяно-католических приходов, личные дела священнослужителей, записки чиновников-экспертов, касающиеся истории армяно-католицизма и положения армяно-католиков в России.

Иван Владимирович Амбарцумов — аспирант кафедры русской истории РГПУ им. Герцена, выпускник Санкт-Петербургской православной духовной семинарии.

¹ *Орманян М.* Армянская Церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913.

² *Гуайта Дж.* 1700 лет веры и верности. История Армении и ее церкви. М., 2005.

Из документов последнего рода наибольшее количество ценной информации содержат записка члена Совета наместника на Кавказе действительного статского советника В.Н. Осецкого от 12 декабря 1909 г., адресованная директору Канцелярии наместника гофмейстеру Н.Л. Петерсону³, а также рапорт консультанта при департаменте духовных дел действительного статского советника Г.К. Чарыхова, датированный 1916 г.⁴

Цели данного исследования — дать характеристику правового статуса и реального положения армяно-католического вероисповедания в Российской империи начала XX в., показать специфику взаимоотношений армяно-католической паствы и священнослужителей с римско-католическими иерархами и Папским престолом, проследить те изменения, которые произошли в жизни российских армяно-католических приходов после заключения соглашения между Российским престолом и Римской курией от 14 апреля 1903 г., учреждения апостольской администрации и назначения в 1909 г. на пост апостольского администратора российских армяно-католиков архимандрита Саркиса Тер-Абрамяна. Однако для начала необходимо дать некоторое общее представление о происхождении католицизма армянского обряда и истории его существования в пределах российского государства.

Армяно-католики — специфическая религиозная группа, возникшая в результате унии с Римом части армяно-григориан, признавших власть папы и католическую догматику, но сохранивших обряды Армянской Церкви. В отличие от греко-католической унии на Украине и в Белоруссии армяно-католицизм насаждался не насильственно, а при помощи целенаправленной пропаганды и политических интриг. Римские папы пытались подчинить себе Армению и ее Церковь начиная с XII в., но долгое время их усилия не приносили результатов. Некоторого успеха римская пропаганда достигла среди армян лишь после потери Арменией государственной независимости. В XVII–XVIII вв. католические ордена доминиканцев, францисканцев и иезуитов развивают активную миссионерскую деятельность среди армянского населения Османской империи. Начинают появляться первые армянские католические общины. В 1742 г. был создан Армянский католический патриархат с резиденцией в Ливане. В 1867 г. указом папы Пия IX резиденция патриарха была перенесена в Константинополь⁵.

Первые крупные армяно-католические общины появились на территории Российской империи в XVIII в.: сначала в городах Моздоке и Кизляре в ре-

³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 7–31об.

⁴Там же. Л. 43–71об. Точная дата составления рапорта неизвестна.

⁵Гуайта Дж. 1700 лет веры... С. 128–129; Орманиан М. Армянская Церковь... С. 82.

зультате переселения на Северный Кавказ значительных групп армянских беженцев из Персии и Турции в 1720–1760-х гг., затем в результате присоединения Крыма в 1783 г. и третьего раздела Польши в 1795 г. Наиболее существенный прирост армяно-католического населения империи произошел после присоединения к России двух грузинских царств в 1801–1804 гг., и Восточной Армении в 1828 г. (в соответствии с Туркменчайским трактатом, заключенным по итогам русско-персидской войны 1826–1828 гг.). Довольно много армяно-католиков переселилось в Грузию и российскую Армению из Турции в 1830-х гг. Наконец, в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к России были присоединены Батумская и Карская области, где также существовали общины католиков армянского обряда. Если в Турции существовала особая Армяно-католическая патриархия, подчиненная непосредственно Римскому престолу, то в России армяно-католики не имели даже своего епископа и были подчинены римско-католическим иерархам. Такое положение вещей оправдывалось тем, что с формально-канонической точки зрения армяно-католики были такими же полноправными членами Римской Церкви, как и католики латинского обряда. Вместе с тем, в среде римской иерархии и духовенства был распространен взгляд на представителей «восточных обрядов» (униатов) как на католиков «второго сорта», которых рано или поздно необходимо привести к «чистому», то есть латинскому католицизму. В свою очередь, сами армяно-католики нередко склонны были считать себя носителями особой религиозной традиции, отличной как от армяно-григорианства, так и от римо-католицизма. Разумеется, подобные взгляды порождали взаимное непонимание и многочисленные конфликты между духовенством и мирянами обоих обрядов.

Вопрос о создании для российских армяно-католиков отдельной религиозной структуры стоял с начала XIX в. Уже тогда, встретив затруднения в управлении армяно-католическими приходами, глава римо-католиков России митрополит Сестренцевич обратился к Александру I с ходатайством об учреждении особой армяно-католической епархии. Высочайшее повеление о создании такой епархии последовало в 1806 г., но оно не было реализовано в силу проблем организационного характера, прежде всего малочисленности армяно-католической паствы⁶. Потребность в особом духовном управлении для российских армяно-католиков стала еще более остро ощущаться после присоединения к России Восточной Армении — Эриванского и Нахичеванского ханств, ранее принадлежавших Персии. В 1839 г. было издано новое высочайшее повеление об учреждении в России армяно-католической епархии с вклю-

⁶РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 8.

чением в нее территории Закавказья, где должен был находиться армянский епископ-суффраган⁷. На эту должность правительством предназначался архимандрит Шагулов, уважаемый среди своих единомыслителей церковный деятель. Шагулов был избран армяно-католической паствой в соответствии с местными обычаями и в 1844 г. утвержден правительством в качестве управляющего армяно-католическими приходами Закавказья. Однако для посвящения его в сан епископа и создания новой епархии было необходимо достижение договоренности с Римским престолом. Переговоры между ним и русским правительством шли не очень гладко. Как отмечалось в записке члена Совета наместника на Кавказе В.Н. Осецкого, «Шагулов, слишком ретиво отстаивавший церковно-обрядовые особенности армяно-католиков и вступивший из-за этого в открытую борьбу с латинским духовенством, не соответствовал прозелитическим видам Ватикана, который поэтому затруднял разрешение вопроса об армяно-католической епархии»⁸. В российских правящих кругах тоже возникали сомнения в необходимости образования такой епархии. Обретение армяно-католиками собственного епископа укрепило бы позиции католицизма в Закавказье в противовес армяно-григорианству, которое пользовалось в то время особым покровительством русских властей. Глава армяно-григориан — Эчмиадзинский католикос — рассматривался в качестве проводника русского влияния на армянскую диаспору в странах Востока. Как отмечалось в исторической справке чиновника особых поручений статского советника А.В. Петрова, «правительство, признавая справедливость дошедших до него жалоб армяно-католиков, предоставило им самим ведать свои внутренние дела, но вместе с тем, принимая во внимание, что “армяно-католическое вероисповедание как переходная ступень между армяно-григорианством и латинством, легко может повлиять на возвращение духовных чад католикоса”, находящихся под нашим покровительством, не сочло возможным дать вновь появившейся религиозной общине прочной организации»⁹. В 1847 г. был заключен конкордат между Русским правительством и Римским престолом, в соответствии с которым закавказские армяно-католические приходы вошли в состав учрежденной тогда же Тираспольской римско-католической епархии¹⁰ (фактическим местопребыванием епископа Тираспольского являлся город Саратов). Для «ближайшего заведования» делами закавказских армяно-католиков предусматривалось назначение викарного епископа (суффрагана) с резиденцией в Тифлисе, но фактически

⁷ Там же. Л. 8об.

⁸ Там же. Л. 8об.—9.

⁹ Там же. Д. 113. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 107. Л. 9.

его назначение так и не состоялось. Было постановлено «впредь до назначения католического епископа армянского исповедания: а) духовные требы их исполнять по особым каноническим правилам, и б) для приготовления священников иметь в Тираспольской и Каменецкой семинариях особые вакансии, число которых должно определяться местным епархиальным начальником; для обучения воспитанников церковным армяно-католическим обрядам при каждой семинарии положен особый священник этого исповедания»¹¹. Управляющим армяно-католическими приходами остался архимандрит Шагулов, но теперь, в соответствии с конкордатом, он был подчинен тираспольскому епископу (а не непосредственно римско-католической коллегии, как было ранее).

После смерти Шагулова в 1854 г. ему так и не был назначен преемник. Вместо этого, распоряжением Главного кавказского начальства в городе Ахалцихе Тифлисской губернии было сформировано Духовное правление армяно-католиков, состоявшее из трех священников. Правлению предписано было «вести метрические книги» и «исполнять предписания епископа и требования начальства»¹². Кандидаты в члены правления избирались местным духовенством и населением, а затем утверждались тираспольским епископом¹³. Этот коллегиальный орган изначально мыслился как временный (впредь до назначения преемника Шагулову), но фактически просуществовал вплоть до начала XX в. Духовное правление было фактически бесправным. По свидетельству В.Н. Осецкого, «сами армяно-католики тяготились не только подчиненностью их латинскому епархиальному начальству, но и своим Духовным правлением и не переставали обращаться к Правительству с просьбами вывести их из этих затруднений; к мирянам и духовенству присоединялись в этих просьбах и сами члены Духовного правления, сознавая всю свою бесполезность. Но все эти просьбы, поддерживаемые и нашим Правительством, и даже латинским духовным начальством, в результате оставались безуспешными»¹⁴. Перспектива благоприятного разрешения армяно-католического вопроса возникла после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Как уже было упомянуто выше, по итогам этой войны в состав России вошли Батумская и Карская области. Эти земли составляли каноническую территорию одной из армяно-католических епархий Турции — Артвинской. В русских правящих сферах стал обсуждаться вопрос об официальном признании этой епархии и присоединении к ней армяно-католических приходов Закавказья. В пользу такого решения высказывался тираспольский

¹¹ Там же. Л. 9об.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 10.

епископ Цоттман, против этого не возражал и римский папа Лев XIII. Однако положительному решению вопроса воспрепятствовал М.Т. Лорис-Меликов, назначенный министром внутренних дел 6 августа 1880 г. Сам принадлежал к Армяно-Григорианской Церкви, новый министр с предубеждением относился к армяно-католицизму. На особом совещании от 18 декабря 1880 г. он высказался решительно против учреждения армяно-католической епархии, выставив в качестве аргумента «политическую неблагонадежность» армяно-католиков, которые, по его утверждению, были гораздо менее расположены к России, чем армяно-григориане¹⁵. В результате Артвинская епархия так и не была признана русским правительством, а 16 января 1886 г. состоялось распоряжение о подчинении ее приходов тираспольскому епископу. Это распоряжение не было признано Римским престолом и фактически осталось невыполнено. Как отмечалось в одной из записок Департамента духовных дел иностранных исповеданий примерно в середине 1900-х гг., «армяно-католическое духовенство и население Батумской и Карсской областей и до сего времени не признают власти этого епископа [Тираспольского. — И. А.] и фактически находятся вне епархиального управления, продолжая, по-видимому, поддерживать общение с армяно-католическими иерархами в Турции»¹⁶.

В 1893 г. вопрос об упорядочении духовных дел армяно-католиков, в частности о создании для них епархии, был вынесен на обсуждение Государственного совета. На сей раз решающую роль сыграла позиция товарища министра внутренних дел В.К. Плеве. Он отметил тот факт, что «последователи армяно-католического исповедания принадлежат к составу Католической Церкви и находятся под управлением верховного ее главы», отличаясь от римокатоликов «некоторыми особенностями обрядовой стороны богослужения». Поэтому, как считал В.К. Плеве, «выделение русской армяно-католической общины из состава Тираспольской католической епархии и учреждение для нее особой самостоятельной епископской кафедры сводилось бы в сущности лишь к увеличению числа католических епископов в империи. Такое решение вопроса представило бы несомненные выгоды для Папского престола, который в епископах имеет весьма ревностных проводников своего духовного, а иногда и политического влияния на католическое население иноверных стран, напротив того, с точки зрения русских государственных интересов было бы желательно не увеличивать этого влияния путем умножения католических епархий в империи»¹⁷.

¹⁵Там же. Л. 10об.–11

¹⁶Там же. Д. 113. Л. 12об.

¹⁷Там же. Л. 5.

Товарищ министра исходил из традиционной для российской политической элиты точки зрения, согласно которой Римский престол представлял собой одного из главнейших политических и религиозных противников России, и всякое усиление его позиций представлялось нежелательным. Государственный Совет счел эти доводы убедительными, и было решено оставить армяно-католиков в юрисдикции Тираспольской епархии. Однако в том же 1893 г., 14 мая, были изданы высочайше утвержденные Правила, закреплявшие особый статус армяно-католической общины России. Они вошли в издание Свода законов Российской империи от 1896 г. в качестве третьего раздела Книги I тома XI¹⁸. Подтверждая подчиненность армяно-католиков тираспольскому епископу¹⁹, новый закон вместе с тем предоставлял их общине широкие права автономии. Правила законодательно определили права Духовного правления армяно-католиков, которое до этого функционировало лишь на основании административных распоряжений. В соответствии с этими Правилами, Духовное правление заведовало «делами, относящимися к духовенству», избирало кандидатов на приходские должности, которые затем утверждались тираспольским епископом с согласия Главного кавказского начальства, могло налагать на духовных лиц официальные взыскания, разбирало споры между духовными лицами и иски к духовенству. К компетенции Духовного правления были отнесены также дела о браках и административно-хозяйственные вопросы²⁰.

Став частью российского законодательства, Правила 1893 г. были, однако, отвергнуты Римским престолом «главным образом вследствие предоставления армяно-католическому Духовному правлению без санкции папы, епископских прав»²¹. Действительно, этому коллегиальному органу были, согласно Правилам, даны все права епископа за исключением права посвящения духовных лиц в священный сан и лишения его.

Полноценное урегулирование армяно-католического вопроса, равно как и всех прочих вопросов, относящихся к внутреннему устройству Католической Церкви в России, было возможно лишь на основе договоренности с Римом. Поскольку конкордат 1847 г. не смог решить данной проблемы, необходимо было новое соглашение, которое устроило бы обе стороны. Прийти к такому соглашению удалось лишь в начале XX в. В высочайше утвержденном 17 января 1902 г. всеподданнейшем докладе министра внутренних дел Д.С. Сипягина были обозначены позиции русской стороны на переговорах с Папским престо-

¹⁸ Свод законов Российской империи (далее: СЗРИ). Т. XI. Ч. 1. № 248–251.

¹⁹ Там же. № 238.

²⁰ Там же. № 250.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 15об.

лом. Д.С. Сипягин высказывался против дарования армяно-католикам особого епископа, повторяя аргументы, выдвинутые В.К. Плеве в 1893 г. и добавляя к ним указание на «малочисленность армяно-католической паствы»²². Однако с точки зрения Римского престола нормальным способом организации церковной жизни армяно-католиков в России является именно учреждение епархии. В конечном итоге был достигнут компромисс. 14 апреля 1903 г. было подписано соглашение с Римской курией, в соответствии с которым управление армяно-католическими приходами на Кавказе должно было быть поручено духовному лицу армянского обряда, назначенному папой по предварительному согласованию с Русским правительством. Было решено, что это лицо «будет носить звание Архимандрита или армянского Апостольского администратора и будет пользоваться всеми правами, кроме тех, которые составляют исключительную принадлежность епископского сана»²³. То есть апостольский администратор наделялся всеми правами епископа, кроме права рукоположения армяно-католиков в духовный сан. Это право оставалось за тираспольским епископом, однако непосредственная юрисдикция над священнослужителями передавалась апостольскому администратору. Предполагалось, что «армяно-католический администратор будет иметь свой Совет или Консисторию, подобно тому, как прочие епископы в России»²⁴.

Будучи уже подписано и вступив в законную силу, соглашение 1903 г. в течение нескольких лет не могло быть претворено в жизнь. Кавказский наместник и Министерство внутренних дел предлагали первоначально на пост администратора александропольского декана Павла Нахапетова, о назначении которого ходатайствовали армяно-католическое духовенство и население. Однако его кандидатура была отвергнута Римом, как и предложенная затем кандидатура священника Маркарова²⁵. В конечном итоге было решено остановиться на кандидатуре батумского настоятеля Саркиса Тер-Абрамяна, которого рекомендовали тираспольские епископы барон фон Рооп (занимавший эту кафедру в 1902–1903 гг.) и сменивший его Кесслер (1904–1929) и настойчиво продвигала Римская курия. В 1906 г. Тер-Абрамян был назначен управляющим Духовного правления в Ахалцихе, а 12 сентября 1909 г. он был высочайше утвержден в должности апостольского администратора армяно-католиков Российской империи с резиденцией в Тифлисе. В соответствии с этим же указом власть апостольского администратора была распространена на армяно-католические при-

²²Там же. Д. 113. Л. 6об.

²³Там же. Д. 107. Л. 5.

²⁴Там же. Л. 6.

²⁵Там же. Д. 113. Л. 16–17.

ходы всей России, а не только Закавказья, как это предусматривалось соглашением 1903 г.²⁶

На момент назначения Тер-Абрамяна апостольским администратором общая численность армяно-католиков в России составляла, по официальным данным, приблизительно 57 тысяч человек²⁷. Из них около 40 тысяч проживали в Закавказье (в Тифлисской и Эриванской губерниях, Батумской и Карской областях)²⁸, где существовало 54 прихода. Армяно-католическая диаспора существовала также в Крыму, где было три прихода²⁹. В других регионах не было армяно-католических приходов, но кое-где имелось армяно-католическое население, вынужденное окормляться у священников латинского обряда.

Духовным окормлением армяно-католиков как России, так и Турции издавна занимался орден мхитаристов. Орден этот был основан в 1701 г. в Константинополе аббатом Мхитаром Севастийским. В 1717 г. Мхитар и его ученики переселяются в Венецию, получив в дар от Венецианской республики остров св. Лазаря. Там мхитаристами был основан монастырь и при нем школа. Будучи верными чадами Католической Церкви, мхитаристы были вместе с тем стойкими приверженцами армянского обряда. Они считали своей главной целью не католический прозелитизм, а служение армянской нации, развитие её интеллектуального и культурного потенциала. «Начиная с XVIII века они публикуют на армянском языке огромное количество произведений самого разного направления: книги по богословию, национальной истории, лингвистике, искусству, литературные произведения, первый словарь армянского языка (1749)»³⁰. В школе мхитаристов охотно отдавали своих детей армяне как католического, так и григорианского исповедания. Общий дух и направление деятельности венецианского ордена вызывали раздражение у многих представителей латинского духовенства, и особенно у римской Конгрегации пропаганды, которая считала приоритетной задачей именно обращение армян в католицизм, а никак не культивирование их национально-церковных традиций (допущение же армянского обряда в католическом богослужении рассматривалось римскими пропагандистами лишь как временная уступка «восточным варварам»). Под влиянием Конгрегации пропаганды в ордене произошел раскол, часть монахов переселилась в Триест, образовав там новую армянскую конгрегацию, пользовавшуюся покровительством австрийской короны. С 1811 г. эта конгрегация базировалась в Вене

²⁶ Там же. Д. 107. Л. 19.

²⁷ Там же. Д. 113. Л. 10об.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Там же. Д. 107. Л. 19.

³⁰ *Гуйта Дж.* 1700 лет веры... С. 128.

и потому была известна под названием венских мхитаристов. Между венецианскими и венскими мхитаристами существовал резкий антагонизм. Как отмечал консультант Департамента духовных дел иностранных исповеданий, эксперт по армянскому вопросу Г.К. Чарыхов, представители венского ордена «относятся весьма враждебно ко всем членам Венецианской Конгрегации, считая их не истыми католиками, принявшими католицизм лишь для вида»³¹. Римский престол больше благоволил к венским братьям, поскольку они были более последовательными приверженцами папской политики в отношении армян. Однако среди российского армяно-католического духовенства вплоть до начала XX в. большинство составляли воспитанники венецианской школы. По словам Г.К. Чарыхова, они пользовались особенным уважением армяно-католиков Крыма и Кавказа, поскольку «воспитывали паству в духе национальных начал и традиций армянской церкви»³².

Назначение апостольским администратором архимандрита Саркиса Тер-Абрамяна явилось серьезнейшим ударом по позициям венецианских мхитаристов в России. Сам Тер-Абрамян не принадлежал ни к венскому, ни к венецианскому ордену. Сын священника из селения Мусугли Александропольского уезда Эриванской губернии, он с четырнадцати лет обучался в Риме, в армянском колледже (*Collegium Armenium*) при Конгрегации пропаганды, а в 1901–1903 гг. даже занимал должность ректора этого колледжа³³. По сведениям, которые удалось получить Г.К. Чарыхову, «еще в бытность свою в Риме он [Саркис Тер-Абрамян. — И. А.] выработал себе известный план и программу постепенного слияния армяно-католиков с остальными католиками латинского обряда и дал слово Римской курии и Конгрегации пропаганды осуществить эту программу в полном объеме при условии поддержки духовными властями в Риме и с благословения Римского первосвященника»³⁴. Воспитанники венецианской школы не могли стать надежной опорой этой политики, и Тер-Абрамян поставил целью постепенное их устранение и продвижение на важнейшие приходские должности выпускников венской школы и своей *alma mater* — римского армянского колледжа. Враждебность апостольского администратора к венецианским мхитаристам проявилась не сразу, вначале он даже приблизил к себе некоторых представителей этой конгрегации, в частности, включил в армяно-католическое Духовное правление авторитетных священников-«венецианцев» Григория Сапарьяна и Дионисия Калатозова. Но вскоре Тер-Абрамян начал проявлять дес-

³¹РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 47.

³²Там же. Л. 46.

³³Там же. Л. 114.

³⁴Там же. Л. 48.

потический стиль руководства и нежелание считаться с интересами верующих и мнением заслуженных пастырей. Григорий Сапарьян вскоре оказался в опале, уже в октябре 1910 г. он был удален из Тифлиса, являвшегося резиденцией апостольского администратора и переведен на приход в Симферополе³⁵. Дионисий Калатозов оставался членом Духовного правления, однако неоднократно жаловался на «деспотическое обращение Тер-Абрамяна, не признающего никакой коллегиальности»³⁶. Достаточно скоро начало проявляться недовольство армяно-католической паствы кадровой политикой нового духовного начальни-ка.

Так, в 1911 г. жители селения Кафтарлы Александропольского уезда подали жалобу губернатору и кавказскому наместнику на действия апостольско-го администратора, назначившего к ним на приход своего брата — священника Тер-Акопа Тер-Абрамяна. Тер-Акоп ранее служил на этом приходе, но в 1908 г. был удален по просьбе прихожан и на его место тираспольским епископом Кесслером был назначен избранный народом священник Тер-Алексан Акопов³⁷. Новое назначение брата Тер-Абрамяна было произведено без учета мнения при-хожан. Тем не менее, жалоба последних была по распоряжению кавказского на-местника оставлена без последствий³⁸. Дело в том, что с точки зрения буквы закона и канонов Католической Церкви архимандрит Саркис не допустил ника-ких нарушений: назначение священнослужителей на приходские должности со-ставляло прерогативу епископа, а в соответствии с соглашением 1903 г. она бы-ла передана апостольскому администратору. Практика же избрания настояте-ля прихожанами существовала у армяно-католиков, как и у армяно-григориан, лишь в качестве неписаной традиции, которая не была зафиксирована законода-тельно; тираспольские епископы с данной традицией считались, а апостольский администратор этого делать не пожелал. Кроме того, Тер-Абрамян представил данные о мотивах своего кадрового решения, объяснив его дурным поведением священника Акопова и допущенным им нарушением канонических норм (совер-шение брака между родственниками).

О латинских тенденциях Тер-Абрамяна, его деспотических качествах, непопулярности среди армяно-католической паствы и враждебном отношении к венецианским мхитаристам было известно еще до его назначения на пост апо-стольского администратора. В.Н. Осецкий в декабре 1909 г. указывал в своей записке, что Тер-Абрамян «едва ли может внести умиротворение в волнующую-

³⁵ Там же. Д. 108. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 107. Л. 49.

³⁷ Там же. Д. 108. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 7.

юся среде»³⁹ российских армяно-католиков. Как полагал этот кавказский чиновник, «если уже не было и нет возможности заменить Тер-Абрамяна другим лицом, более соответствующим желанием армяно-католиков, то надлежало бы по крайней мере ввести в организацию новой их епархии такие начала, которые давали бы им самим возможность парализовать нежелательные для них действия латинствующего духовного начальника»⁴⁰. Исходя из этого В.Н. Осецкий считал возможным поддержать существовавшее среди армяно-католического духовенства и паствы движение за демократизацию церковной жизни. Многие армяно-католики с самого начала были недовольны соглашением 1903 г., устанавливающим единоличную власть назначенного сверху апостольского администратора, зависимого от латинской иерархии. Они желали обретения самостоятельной церковной организации на основе выборного начала. В 1905 г. закавказское армяно-католическое духовенство направило обращение к кавказскому наместнику «с ходатайством о назначении к ним особого епископа из лиц, избранных общиной их исповедания»⁴¹. Требование относительно выборности епархиального начальника не являлось в данном случае каким-то церковным модернизмом. Выборность духовных лиц была давней традицией в Армянской Церкви (армяно-католиками она была унаследована от армяно-григориан). Как уже говорилось, паства и духовенство участвовали в избрании членов ахалцихского Духовного правления, на многих приходах прихожане избирали настоятеля. Однако Римский престол и латинское духовенство относились к этим «вольностям» армяно-католиков негативно, терпя их лишь как неизбежное зло. Тираспольский епископ Кесслер резко осудил инициативу закавказского духовенства, указав на то обстоятельство, что «по принципам католической церкви папа сам избирает и назначает епископов из кандидатов, представленных правительством»⁴². В данном вопросе российская правящая бюрократия оказалась солидарна с римско-католической иерархией. Правительство и Министерство внутренних дел, возглавляемое П.А. Столыпиным, считали всякое поощрение демократических тенденций, в том числе, в жизни религиозных общин, уступкой революционному движению и нарушением основ имперской государственной системы. Так, например, МВД признало не подлежащим удовлетворению ходатайство об установлении выборного начала для замещения духовных должностей, возбужденное уполномоченными армяно-католиков Александропольского, Ахалкалакского, Ахалцихского и Лорийского деканатов. Как бы

³⁹ Там же. Д. 107. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 15.

⁴² Там же.

ло объяснено в отзыве Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 23 декабря 1906 г., «принцип назначения на армяно-католические духовные должности по избрании населения не установлен ни законом, ни каноническими правилами»⁴³. П.А. Столыпин был склонен считать армяно-католический вопрос внутренним делом Католической Церкви, несущественным для российских государственных интересов. Поэтому, в частности, он не считал нужным возражать против назначения апостольским администратором Тер-Абрамяна, которого настойчиво добивалась Римская курия. Как говорилось в отношении Министерства внутренних дел от 23 августа 1906 г., «непопулярность его (Тер-Абрамяна. — И. А.) среди населения, могущая оттолкнуть лиц, принадлежащих к армяно-католическому исповеданию, должна скорее озабочивать римско-католическую церковь, а никак не правительство»⁴⁴. Также П.А. Столыпин полагал, что «в государственных интересах безразлично, будет ли иметь успех среди армяно-католиков латинская пропаганда или нет»⁴⁵. В.Н. Осецкий считал такой подход в корне неверным. Он обращал внимание на то обстоятельство, что «армяно- католический вопрос возник вследствие стремления армяно-католиков освободиться от тягостного для них ига латинского духовенства». Однако стремление это так и не было удовлетворено, поскольку «в лице нового начальника организуемой епархии»⁴⁶ армяно-католики получают как раз то самое, что им противно, с чем они борются около ста лет, и в чем надеются получить помощь только от нашего Правительства». Оградить армяно-католиков от насильственной латинизации, по мнению В.Н. Осецкого, могло бы лишь дарование им права самим избирать собственных духовных начальников. Для начала он предлагал «предоставить им теперь же, на съезде уполномоченных от приходов избрать членов положенного по Высочайше одобренному 14 апреля 1903 г. соглашению с Римскою Куриєю коллегиального учреждения (Совета или Консistorии), а затем при окончательном регламентировании епархиального управления армяно-католиков предоставить им избирать кандидатов на все вообще духовные должности»⁴⁷. Таким образом, власть администратора была бы ограничена выборными институтами, и он потерял бы возможность проводить по-

⁴³ Там же. Л. 7об.

⁴⁴ Там же. Л. 13.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Вопрос об образовании армяно-католической епархии продолжал обсуждаться между правительством и Римским престолом и после учреждения апостольской администрации, причем на должность епископа предполагалось назначить все того же Тер-Абрамяна. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 13об.

⁴⁷ Там же. Л. 18об.

литику, заведомо противоречащую желаниям его паствы. Нам неизвестно, рассматривались ли всерьез в правящих кругах предложения В.Н. Осецкого. Так или иначе, до их практической реализации дело не дошло. По-видимому, большинство российских чиновников, занимавшихся армяно-католическим вопросом, разделяли точку зрения П.А. Столыпина и были настроены негативно ко всяким проявлениям «церковной демократии».

Не встречая препон со стороны государственной власти, Тер-Абрамян продолжал осуществлять политику, направленную на ликвидацию последних остатков самоуправления у российских армяно-католиков и вытеснение с приходских должностей венецианских мхитаристов. Уже в период Первой мировой войны разворачивается серьезный конфликт между апостольским администратором и армяно-католическими общинами Крыма. 21 сентября 1915 г. апостольский администратор издал указ об отстранении священника Григория Сапарьяна от должности настоятеля армяно-католической церкви в Симферополе и переводе его на другой крымский приход, находившийся в Феодосии. Прежний настоятель феодосийского прихода священник Тимотеос Тер-Гюльян был переведен в Батум, а на место Сапарьяна на симферопольский приход был назначен Атанасий Аветисьян, ранее бывший настоятелем в Карасубазаре⁴⁸. Аветисьян был воспитанником венской конгрегации, в то время, как Сапарьян являлся одним из наиболее уважаемых пастырей венецианской школы, «венецианцем» являлся и Тер-Гюльян. Перевод Аветисьяна в столицу Крыма, Симферополь, из небольшого городка Карасубазара несомненно можно было рассматривать как повышение, а удаление из Симферополя Сапарьяна (в начале правления администратора удаленного из Тифлиса) являлось признаком продолжающейся опалы и немилости. Для крымских армяно-католиков новые назначения были неожиданностью. Общее собрание прихожан Симферополя 27 сентября 1915 г. приняло постановление, в котором говорилось, что за священником Григорием Сапарьяном «не усмотрено никакой вины, за которую могло бы состояться перемещение его в другой город», а также указывалось на то, что «до настоящего времени все вообще назначения делались с ведома и согласия общества», и что «не может быть во главе общества лицо, которое не избрано самими прихожанами»⁴⁹. Собрание решило отправить две телеграммы — одну в Тифлис апостольскому администратору с просьбой «оставить симферопольской армянской общине ее духовного руководителя», а другую — в Карасубазар, с просьбой к священнику Аветисьяну «не вступать в управление Симферопольской церкви

⁴⁸Там же. Д. 107. Л. 50об.

⁴⁹Там же. Д. 108. Л. 19.

до разрешения этого вопроса»⁵⁰. Администратор остался глух к мольбам прихожан. В ответной телеграмме от 1 октября 1915 г. он ссылался на «церковные и правительственные законы», дававшие ему право назначать и перемещать духовных лиц по своему усмотрению. Администратор указывал на принцип иерархической субординации, общий для духовных и светских сановников; по его словам, «при перемещении губернаторов, начальников и военных чинов не всегда служат причиной их недостатки, а таковые перемещения производятся с разного рода благотворительных целей, и что при таких случаях не требуется согласие и желание общества»⁵¹. Разумеется, подобные формально-юридические аргументы ничего не говорили сердцу верующих, не желавших расставаться с любимым пастырем. Волнения наблюдались и среди прихожан феодосийской церкви. От их лица Тер-Абрамяну также была отправлена телеграмма с просьбой вернуть им прежнего настоятеля Тер-Гюльяна. На это обращение Тер-Абрамян тоже ответил отказом⁵². Видя настроение феодосийских прихожан, а также своей симферопольской паствы, священник Григорий Сапарьян решил не принимать нового назначения и письменно уведомил об этом апостольского администратора. Узнав о неповиновении Сапарьяна, апостольский администратор запретил его в служении, а на феодосийский приход назначил курата из Екатеринодара Тер-Акопа Башаратьяна (выпускника Римского армянского колледжа)⁵³. Феодосийские прихожане, однако, не успокоились, они обратились к таврическому губернатору с жалобой на неправомерные, по их мнению, действия Тер-Абрамяна. Губернатор перенаправил прошение в Министерство внутренних дел. Министерство заняло сторону апостольского администратора и отношением от 17 февраля 1916 г. постановило прекратить дело на том основании, что «перемещение священнослужителей относится к числу чисто церковных дел, находящихся по 3 ст. Уст. Ин. Исп., XI т., I ч. всецело в пределах компетенции их духовного начальства»⁵⁴. Однако успокоения среди армяно-католиков Крыма добиться не удалось. После удаления Тер-Гюльяна феодосийская община перестала посещать церковь, а синдики (члены приходского совета) отказались выполнять свои служебные обязанности⁵⁵. Продолжались волнения и среди прихожан Симферополя. Как говорилось в петиции представителей армяно-католической паствы, направленной в Министерство внутренних дел в июле 1916 г., волнения наблюда-

⁵⁰ Там же. Л. 19об.

⁵¹ Там же. Л. 23.

⁵² Там же. Д. 107. Л. 62об.

⁵³ Там же. Л. 57; Там же. Д. 108. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Д. 108. Л. 21об.

⁵⁵ Там же. Л. 63.

лись также на закавказских приходах — в Тифлисе, Батуме, Артвине, Ахалцихе и ряде других мест. По словам авторов петиции, армяно-католики, «мечтая об удалении Тер-Абрамяна от должности Апостольского Администратора, стремятся игнорировать его»⁵⁶.

Раздражение верующих объяснялось не только авторитарной кадровой политикой Тер-Абрамяна, введившего в церковную жизнь армяно-католиков принцип жесткой вертикальной дисциплины по латинскому образцу взамен традиционного приходского самоуправления. Возмущение армяно-католической паствы вызывала также осуществлявшаяся апостольским администратором и его ставленниками целенаправленная латинизация обрядов и богослужения на многих армянских приходах. В.Н. Осецкий отмечал в своей записке, что уже вскоре после своего назначения Тер-Абрамян начал «агитировать» в армяно-католических приходах в пользу замены армянских обрядов латинскими⁵⁷. Г.К. Чарыхов, который в 1916 г. занимался изучением «на месте» ситуации, сложившейся в крымских приходах, сообщал о жалобах симферопольских синдиков по поводу перемен, произошедших в период правления апостольского администратора в их богослужении. В частности, в Крыму прекратилось совершение торжественной литургии по армянскому обряду⁵⁸. Еще одним обстоятельством, вызывавшим напряжение в отношениях между апостольским администратором и его паствой, было отношение Тер-Абрамяна к военным событиям, в частности, к трагедии турецких армян. Как сообщал Г.К. Чарыхову опальный священник Сапарьян, «за два года ужасов и гонений, обрушившихся на многие тысячи армянских семейств, Тер-Абрамян не принимал равно никаких мер для облегчения их страданий и даже охладил своей деятельностью рвение и старание светских организаций, существующих для оказания помощи несчастным жертвам войны, сам же, избегая сношения с Тифлиским Центральным Комитетом для оказания помощи жертвам войны, препятствовал и армяно-католикам иметь прямое с ним сношение»⁵⁹. Упомянутый комитет был организован армяно-григорианским священником Налбандьяном. Тер-Абрамян, для которого интересы Римско-Католической Церкви были важнее интересов армянского народа, не желал иметь дела с организацией, в которой ведущую роль играли армяно-григориане. В результате, «не имея своих представителей в Центральном Тифлиском Комитете, армяно-католики не могли оказывать помощь

⁵⁶Там же. Д. 108. Л. 13.

⁵⁷Там же. Д. 107. Л. 12об.–13.

⁵⁸Там же. Л. 60.

⁵⁹Там же. Л. 57об.

пострадавшим от ужасов войны жертвам турецких погромов и избиений»⁶⁰, в числе которых были и их единоверцы.

Благоволение Тер-Абрамяна к венским мхитаристам в условиях войны могло рассматриваться как проявление политической нелояльности, поскольку эта конгрегация базировалась в столице одной из враждебных России держав — Австро-Венгрии. Нежелание симферопольских прихожан принимать в качестве настоятеля Атанасия Аветисьяна объяснялось, в частности, слухами о его симпатиях к австрийской короне. Г.К. Чарыхов сообщал в своем рапорте: «От о. Сапарьяна и армяно-григорианского священника Налбадяна я узнал, что этот Аветисьян в Карасубазаре за обедом, в присутствии многих лиц говорил, что Венские Мхитаристы при рукоположении принимают присягу на верность Австрийскому Императору (Его Апостольскому Величеству), и что это обстоятельство нисколько не мешает ему, Аветисьяну (члену Венской Конгрегации) оставаться в то же время русским подданным»⁶¹. Разумеется, подобное признание бросало тень не только на самого Аветисьяна, но и на всю Венскую конгрегацию, и на покровительствовавшего ей Тер-Абрамяна. По словам тех же лиц, о высказываниях крымского священника «довели до сведения Апостольского администратора, но последний не придавал этому никакого значения»⁶². Наконец, Тер-Абрамян был уличен в проявлении открытого неуважения к российскому закону. Основанием послужил инцидент, произошедший 8 марта 1915 г. во время схода прихожан тифлисской Успенской церкви для выбора приходских синдиков. В ходе собрания возникло разногласие между прихожанами и священником Тер-Мкртичем Абгарьяном по вопросу о порядке производства выборов. Прихожане требовали, чтобы им было предоставлено право произвести выбор синдиков из числа представителей, выдвинутых ими самими в соответствии со статьей 250 Устава духовных дел иностранных исповеданий⁶³ (где определялся порядок управления церковными делами христиан армяно-католического исповедания). Абгарьян же настаивал, чтобы выборы были произведены из четырех кандидатов, указанных им как приходским священником, и ссылаясь на статью 123 того же Устава и приложение к ней (где речь шла о римо-католиках, то есть католиках латинского обряда)⁶⁴. Соглашение между священником и общиной

⁶⁰ Там же. Л. 61.

⁶¹ Там же. Л. 62.

⁶² Там же.

⁶³ В соответствии со статьей 250 (пункт IV, подпункт 3) синдикаты утверждались Духовным правлением армяно-католиков «по ходатайствам о том приходских сходов» (СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 250. п. IV).

⁶⁴ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 123.

достичь не удалось, и для разрешения спора Абгарьян пригласил на сход апостольского администратора. Тер-Абрамян встал на сторону Абгарьяна, указав, в частности, на то обстоятельство, что статья 250 не получила санкции римского папы (статья 250 Устава духовных дел была тождественна статье 13 высочайше утвержденных правил об армяно-католиках от 14 мая 1893 г., которые, как уже говорилось выше, были отвергнуты Римским престолом). Прихожане возразили на это, что статья 250 является в России государственным законом, и они как русские подданные должны ею руководствоваться. В ответ Тер-Абрамян заявил, что «вообще на законы об армяно-католиках не следует обращать внимания, так как правительство, издавая эти законы, давало много обещаний, но таковых не исполнило»⁶⁵. В конечном итоге выборы были все же проведены в соответствии с 250 статьей, как это практиковалось и ранее. По поводу же заявления апостольского администратора прихожане направили жалобу прокурору Тифлисского округа. В результате в отношении Тер-Абрамяна было возбуждено дознание по обвинению в преступлении, предусмотренном 3 пунктом 1 части 129 статьи Уголовного уложения, которым устанавливалась ответственность за публичные призывы «к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти»⁶⁶. Однако помощник наместника Кавказа по гражданской части сенатор Н.Л. Петерсон в своем докладе императору высказался против привлечения архимандрита Саркиса к уголовной ответственности, поскольку в словах последнего нельзя было усмотреть «прямого возбуждения к совершению действий, воспрещенных законом», с его стороны имело место лишь «простое выражение мнения о необязательности устанавливаемых законом правил, касающихся лишь порядка проведения дел или выборов и т.п.»⁶⁷. Дело Тер-Абрамяна было прекращено на стадии дознания. Несмотря на явную антиправительственную направленность высказываний администратора, к нему не было применено никаких серьезных санкций. В конечном итоге Министерством внутренних дел было принято решение «ограничиться в данном случае поставлением на вид» Тер-Абрамяну «некорректности допущенных им выражений»⁶⁸. В справке МВД по данному делу, датируемой 1916 г., прямо говорится о том, что такое постановление, в числе прочего, было обусловлено стремлением «избежать осложнений с Римскою куриею»⁶⁹.

⁶⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 112об.

⁶⁶Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 29. № 129.

⁶⁷РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107. Л. 113.

⁶⁸Там же. Л. 94об.

⁶⁹Там же. Л. 94.

Г.К. Чарыхов в своем рапорте от 1916 г., посвященном деятельности Тер-Абрамяна, приходит к выводу о том, что его политика не согласуется не только с настроениями армяно-католической паствы, но и во многом противоречит российским государственным интересам. Для стабилизации обстановки в армяно-католических общинах и прекращения массового недовольства консультант Департамента духовных дел предлагал принять решительные меры. Исходя из того факта, что священнослужители венской конгрегации при рукоположении присягают на верность австрийскому императору, Г.К. Чарыхов утверждал, что «в данном случае их можно рассматривать как двуподданных», и на этом основании многие выдвиженцы Тер-Абрамяна, в частности, настоятели крымских приходов, могли быть, по его мнению, отстранены от должности в административном порядке — распоряжением губернатора. На сходном основании, по мнению Г.К. Чарыхова, мог бы быть отстранен от должности сам апостольский администратор, поскольку он уличен в явном неуважении к российским законам (инцидент во время выбора синдиков в Тифлисе), и кроме того подозревается в симпатии к «центральной державам» (государствам, противостоявшим России в Первой мировой войне)⁷⁰. В дальнейшем Г.К. Чарыхов полагал необходимым осуществить коренную реформу российского законодательства об армяно-католиках. «Чтобы в будущем избавить армяно-униатов от религиозного гнета и происков Римско-католических духовных властей и гарантировать им мирную духовную жизнь, следует для них выработать “Проект положения об армяно-католической церкви в России” применительно к таковому, изданному в 1836 г. для армяно-григориан в России, предоставляющий им право выбора себе Апостольского администратора и священников с тем, чтобы утверждение первого зависело от верховной власти по предварительному соглашению правительства с папой, а последних от администратора по соглашению с губернатором»⁷¹. Это предложение Г.К. Чарыхова, как мы видим, совпадало с идеями В.Н. Осецкого, который еще в 1909 г. высказывался за реорганизацию армяно-католического церковного управления на основе выборного начала. Подобные проекты вполне отвечали интересам армяно-католиков, страдавших от произвола апостольского администратора, они имели известный резон и с точки зрения российских государственных интересов. Вместе с тем, судя по предшествующей политике российского правительства в армяно-католическом вопросе (весьма осторожной и нерешительной), мы можем сомневаться в том, что эти инициативы могли быть проведены в жизнь. Несомненно, меры, предлагавшиеся Г.К. Чарыхо-

⁷⁰Там же. Л. 71об.–72.

⁷¹Там же. Л. 71об.

вым, вызвали бы конфликт с Римским престолом, которого русское правительство стремилось избежать. Кроме того, для издания нового закона об армяно-католиках требовалось согласие Государственной Думы и Государственного Совета, где обсуждение его могло затянуться на длительное время. Впрочем, история не знает сослагательного наклонения, и мы не можем сказать определенно, какое разрешение получил бы армяно-католический вопрос, если бы не грянула революция 1917 г., сломавшая весь государственный порядок старой России и выдвинувшая на первый план совершенно иные задачи.

Временное правительство не предприняло (либо не успело предпринять) никаких существенных мер для изменения положения армяно-католиков. Институт апостольской администрации сохранялся и после Октябрьского переворота. Последний апостольский администратор Карапет Дилургян был арестован в июне 1936 г., приговорен (в возрасте 75 лет) к трем годам ссылки в Кировском крае, после возвращения оттуда уже не мог продолжать официальное служение. В сталинские годы армяно-католическая община в СССР была практически уничтожена, ее возрождение началось лишь в период перестройки.

Главной проблемой армяно-католиков Российской империи было отсутствие у них церковного управления, соответствующего их национально-историческим традициям и религиозным потребностям. Подчинение армяно-католиков римско-католическим (латинским) епископам создавало для них многие неудобства, однако русское правительство в течение всего XIX в. демонстрировало упорное нежелание даровать им прочную церковную организацию. Здесь сказывался ряд факторов. Во-первых, российская власть оказывала преимущественное покровительство Армяно-Григорианской Церкви, которая видела в армяно-католиках своих конкурентов. Во-вторых, католичество само по себе рассматривалось российскими государственными деятелями как наиболее «политически неблагонадежная» из христианских конфессий. Исходя из этих двух обстоятельств укрепление позиций армяно-католицизма на Кавказе считалось нежелательным. В-третьих, сказывалась позиция Римской курии, которая стремилась к постепенной латинизации армяно-католиков и была против их чрезмерного обособления от католиков латинского обряда. В-четвертых, нельзя не учитывать такой фактор, как малочисленность армяно-католического населения в России, вследствие чего удовлетворение интересов этой этноконфессиональной группы не являлось в глазах российских чиновников задачей первостепенной важности. Учреждение в начале XX в. апостольской администрации в соответствии с соглашением между правительством и Римским престолом от 14 апреля 1903 г. не улучшило положения российских армяно-католиков, а лишь усугубило существовавшие проблемы. Архимандрит

Саркис Тер-Абрамян, проведенный на должность апостольского администратора усилиями Римской курии, осуществлял угодную ей латинизаторскую политику, проявлял демонстративное неуважение к обычаям и традициям своей паствы. Наибольшее раздражение у российских армяно-католиков вызывала кадровая политика Тер-Абрамяна, совершенно не считавшегося при назначениях на духовные должности с мнением прихожан, поставившего целью устранение с армяно-католических приходов священнослужителей из конгрегации венецианских мхитаристов, многие из которых были чтимыми и любимыми в народе пастырями. Многочисленные протесты прихожан против действий Тер-Абрамяна, их жалобы на него в гражданские инстанции долгое время не давали никаких результатов. Соглашение 1903 г. наделило апостольского администратора почти всеми правами епископа (в частности, правом назначать и перемещать священнослужителей по своему усмотрению), и с формально-юридической точки зрения, его распоряжения были вполне правомерны. Единственным способом ограничить его произвол могло бы стать узаконение принципа выборности духовных лиц, который существовал у армяно-католиков с давних пор в качестве неписаной традиции, но не охранялся российским законом. Подобное решение соответствовало чаяниям армяно-католической паствы, высказанным в ряде обращений к правительству, пойти по этому пути предлагали некоторые чиновники-эксперты (В.Н. Осецкий, Г.К. Чарыхов). Однако царское правительство вряд ли было готово к осуществлению подобных проектов. Ликвидация традиционных «вольностей» армяно-католицизма, по-видимому, являлась одной из задач, поставленных перед Тер-Абрамяном Римской курией, и противодействие этой политике означало бы неизбежный конфликт с Папским престолом, который для российских властей был нежелателен. Революция 1917 г. не способствовала решению армяно-католического вопроса, а наоборот, отодвинула его на неопределенную перспективу.

Литература

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 821. Оп. 10. Д. 107.
2. Ф. 821. Оп. 10. Д. 108.
3. Ф. 821. Оп. 10. Д. 113.

Опубликованные источники

1. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. СПб.: Государственная типография, 1896.
2. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903.

Историография

1. *Гуайта Дж.* 1700 лет веры и верности. История Армении и ее церкви. М.: ЮНИСТРОЙ, СК, 2005.
2. *Орманиан М.* Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М.: Издание А.М. Будагова, 1913.